

ство по дѣламъ уголовнымъ и полицейскимъ, пакже жительство малолѣтніхъ и состоящихъ подъ прещеніемъ, отнесены къ дѣламъ, неподходящимъ подъ личное вѣдомство, напропивъ того въ Основаніяхъ Права сіи предметы отнесены къ дѣламъ подходящимъ подъ личное вѣдомство. Сія перемѣна порядка произошла равномѣрно отъ смѣщенія жительства съ вѣдомствомъ.

На нѣкошорые другіе предметы первыхъ четырехъ главъ Основаній Гражданскаго Права сдѣланы были нами замѣчанія прежде.

Пр. Ал. Кунинъ.

III.

С Т И Х О Т В О Р Е Н I Я.

1. Отрывокъ изъ третьей пьесни Поэмы Людмила и Русланъ.

Ужъ упро хладное сіяло
На шемъ полунощныхъ горъ;
Но въ дивномъ замкѣ все молчало.
Еъ досадѣ скрышой, Черноморъ,
Безъ шапки, въ утреннемъ халашѣ,
Зѣвалъ сердито на кровати.

Вокругъ брады его сѣдой
 Рабы шолпились молчаливы,
 — И нѣжно гребень коспяной
 Расчесывалъ ея извины;
 Межъ шѣмъ, для пользы и красы,
 На безконечные усы
 Лились вос точны ароматы,
 И кудри хипрыя вились;
 Какъ вдругъ, откуда ни возмись,
 Въ окно влепнаешь змій крылатый.
 Гремя желѣзной чешуей,
 Онъ въ кольцы быстрыя согнулся
 И вдругъ Наиной обернулся
 Предъ изумленною полпой.

Привѣтствую тебѧ, сказала,
 Собравъ, издавно читимый мной !
 Досель я Черномора знала
 Одною громкою моловой,
 Но тайный рокъ соединяешь
 Теперь нась общею враждой:
 Тебѣ опасность угрожаешь,
 Нависла пучка надъ тебой,
 И голосъ оскорблennой чести
 Меня къ омыщенію зовешь. —

Со взоромъ, полнымъ хипрой лестни,
 Ей карло руку подаешь,
 Вѣща: дивная Наина !
 Мнѣ драгоцѣнѣнъ твой союзъ.
 Мы посрамимъ коварство Фина ;
 Но мрачныхъ козней не боюсь :
 Прошивникъ слабый мнѣ не спрашевъ.
 Узнай чудесный жребій мой

Сей благодатной бородой
 Не даромъ Черноморъ украшень.
 Доколь власовъ ея сѣдыхъ
 Враждебный мечъ не перерубишъ,
 Никто изъ Вишнѣй лихихъ,
 Никто изъ смертныхъ не погубишъ
 Малѣйшихъ замысловъ моихъ.
 Моею будешъ вѣкъ Людмила,
 Русланъ же гробу обреченъ! —
 И мрачно вѣдьма повиорила:
 Погибнепъ онъ, погибнепъ онъ!
 Потомъ при раза проиниѣла,
 Три раза попнула ногой
 И чернымъ зміемъ улешѣла.

Блисцая въ ризѣ парчевой,
 Колдунъ, колдуньей ободренный,
 Развеселясь, рѣшился вновь
 Неспи къ ногамъ дѣвицы плѣнной
 Усы, покорность и любовь.
 Разряженъ карликъ бородатый,
 Опять идешъ въ ея палашы,
 Проходишъ длинный комнашъ рядъ,
 Княжны въ нихъ нѣшъ; онъ далѣ — въ садъ,
 Въ лавровый лѣсъ, къ рѣшешкѣ сада,
 Вдоль озера, вокругъ водопада,
 Подъ мосники, въ бесѣдки. . . . нѣшъ!
 Княжна ушла; пропалъ и слѣдъ.
 Кто выразиашъ его смущенье,
 И ревъ и препещь изспутленья!
 Съ досады дня не взвидѣлъ онъ.
 Раздался карла дикий спонъ:
 „Сюда, невольники! бѣгише

**Сюда, надѣюсь я на васъ!
Сей часъ Людмилу мнѣ сыщите!
Скорѣе, слышите ль? сей часъ!
Не то — шушите вы со мною —
Всѣхъ удавлю васъ бородою !“**

**Читашель, разскажу ль тебѣ,
Куда красавица дѣвалась?
Всю ночь она своей судьбѣ
Въ слѣзахъ дивилась — и смеялась.
Ее пугала борода;
Но Черноморъ ужъ былъ извѣстенъ
И былъ смѣшонъ, а никогда
Со смѣхомъ ужасъ несовмѣстенъ.
На вспрѣчу упреннимъ лучамъ
Поспѣль оставила Людмила,
И взоръ невольный обрашила
Къ высокимъ, чистымъ зеркаламъ.
Невольно кудри золотые
Съ лилейныхъ плечъ приподняла;
Невольно волосы гусьные
Рукой небрежной заплела;
Свои вчерашие наряды
Нечаянно въ углу нашла,
Вздохнувъ, одѣлась и съ досады
Тихонько плакать начала,
Однако съ вѣрнаго спекла,
Вздыхая, не сводила взора,
И дѣвицѣ пришло на умъ,
Въ волненіи своеиравныхъ думъ,
Примѣришь шапку Черномора.
Все тихо. Никого здѣсь нѣтъ,
Никто на дѣвушку не взглянетъ,**

*

**А дѣвушкѣ въ семнадцать лѣтъ,
 Какая шапка не приспанецъ?
 Рядишься никогда не лѣнь.
 Людмила шапкой завершѣла
 На брови, прямо, на бекренъ,
 И задомъ на передъ надѣла.
 И чпо же? чудо снарыхъ дней !
 Людмила въ зеркалѣ пропала;
 Перевернула, — передъ ней
 Людмила прежняя предспала;
 Назадъ надѣла, — снова нѣтъ ;
 Сняла — и въ зеркалѣ. „Прекрасно!
 Добро, колдунъ, добро, мой свѣтъ !
 Теперь мнѣ здѣсь ужъ безопасно,
 Теперь избавлюсь отъ хлопотъ!“
 И шапку стараго злодѣя
 Княжна отъ радоспи краснѣя,
 Надѣла задомъ напередъ.**

**Но возвращимся же къ Герою.
 Не спыдно ль заниматься намъ
 Такъ долго шапкой, бородою ,
 Руслана поручи судьбамъ.
 Свершивъ съ Рогдаемъ бой жеснокой ,
 Проѣхалъ онъ дремучій лѣсъ.
 Предъ нимъ открылся доль широкой
 При блескѣ утреннихъ небесъ.
 Трепещешъ вишнязъ по неволѣ :
 Онъ видишъ спарой битвы поле.
 Вдали все пусто. Здѣсь и памъ
 Желѣютъ кости; по холмамъ
 Разбросаны колчаны, лашы ;
 Гдѣ зброя, гдѣ заржавый щипъ,**

Въ коспяхъ руки здѣсь мечъ лежитъ,
 Травой обросъ шамъ шлемъ косматый,
 И старый черепъ плѣшь въ немъ.
 Богатыря шамъ оставилъ цѣлый
 Съ своимъ поверженнымъ конемъ
 Лежитъ недвижный ; копья, спрѣлы
 Въ сырую землю вонзены,
 И мирный плющъ ихъ обвиваешь.
 Ничто безмолвной тишины
 Пускыни сей не возмущаешь,
 И солнце съ ясной вышины
 Долину смерти озаряешь.

Со вздохомъ випяль вкругъ себя
 Взираешь грустными очами,
 „О поле, поле ! кто тебя
 Усѣялъ мершвыми коспями ?
 Чей борзый конь тебя топталъ
 Въ послѣдній часъ кровавой битвы ?
 Кто на тебя со славой паль ?
 Чьи небо слышало молитвы ?
 Зачѣмъ же, поле, смолкло ты
 И поросло правой забвенья ?
 Временъ опь вѣчной тьмноты ,
 Быть можетъ, нѣть и мнѣ спасенья ;
 Быть можетъ , на холмѣ нѣмомъ
 Поспавяшь тихій гробъ Руслановъ ,
 И спруны громкія Бояновъ
 Не будущь говоришь объ немъ.“

Но вскорѣ вспомнилъ випяль мой ,
 Что добрый мечъ Герою нуженъ
 И даже панцырь ; а Герой

Съ послѣдней битвы безоружень.
 Обходиши поле онъ вокругъ,
 Въ кустахъ, среди костей забытыхъ,
 Въ громадѣ падающихъ кольчугъ,
 Мечей и шлемовъ раздробленыхъ
 Себѣ доспѣховъ ищешь онъ.
 Проснулись гуль и степь нѣмая,
 Поднялся въ полѣ прескъ и звонъ.
 Онъ поднялъ щитъ, не выбирая,
 Нашелъ и шлемъ и звонкій рогъ.
 Но лишь меча сыскать не могъ,
 Долину брали обѣзжая,
 Онъ видишъ множество мечей;
 Но всѣ легки да слишкомъ малы,
 А Князь красавецъ былъ не вялый
 Не то, что былья нашихъ дней.
 Чтобъ чѣмъ нибудь оживить отъ скуки
 Копье спальное взялъ онъ въ руки
 Кольчугу онъ надѣлъ на грудь
 И далѣе пуспился въ путь.

Ужъ поблѣднѣлъ закатъ румянай
 Надъ усыпленою землей;
 Дымятся синіе туманы,
 И всходишъ мѣсяцъ золотой.
 Померкла степь. Тропою шемной,
 Задумчивъ, ѿдѣшь нашъ Русланъ.
 И видишъ сквозь ночной туманъ
 Вдали чернѣешъ холмъ огромный
 И чпо-то спрашное хранишъ.
 Онъ ближе къ холму, ближе, слышишь
 Чудесный холмъ какъ будто дышашъ.
 Русланъ внимаетъ и глядитъ

Безпрепечно, съ спокойнымъ духомъ,
 Но шевеля пугливымъ ухомъ,
 Конь упирается, дрожитъ,
 Трясешь упрямой головою
 И грива дыбомъ поднялась.
 Вдругъ холмъ, безоблачной луною
 Въ туманѣ блѣдно озаряясь,
 Яснѣешь: смотришъ храбрый Князь —
 И чудо видишъ предъ собою.
 Найду ли краски и слова?
 Предъ нимъ живая голова.
 Огромны очи, сномъ объяты;
 Храпишь, качая шлемъ пернатый,
 И перья въ темной высотѣ,
 Какъ шѣни ходяши, развѣваясь.
 Въ своей ужасной красотѣ
 Надъ мрачной степью возвышаешься,
 Безмолвіемъ окружена,
 Пустыни спорожь безъимянной,
 Руслану предсѣпишъ она
 Громадой грозной и туманной.
 Въ недоумѣни хочешь онъ
 Таинственнымъ разрушишъ сонъ.
 Вблизи осматривая диво,
 Обѣхалъ голову кругомъ
 И сталь предъ носомъ молчаливо.
 Щекопипъ ноздри копіемъ,
 И сморщась, голова зѣвнула,
 Глаза открыла и чихнула....
 Поднялся вихорь, степь дрогнула
 Взвилась пыль; съ рѣсицъ, съ усовъ,
 Съ бровей слепѣла сіая совъ;
 Проснулись рощи молчаливы,

Чихнуло эхо — конь решивой
Заржалъ, запрыгалъ, оплещель;
Едва самъ рыцарь усидѣль,
И вслѣдъ раздался голосъ шумный:
 „Куда ты, Вишнѣзъ, неразумный?
Спупай назадъ, я не шучу
Какъ разъ нахала проглочу!“
Русланъ съ презрѣньемъ оглянулся
И съ гордымъ видомъ усмѣхнулся.
 „Чего ты хочешь опѣ меня?
Нахмурясь голова вскричала:
 „Вошь госпя мнѣ судьба послала!
 „Послушай, убирайся прочь
 „Я спать хочу, теперь ужъ ночь,
 „Прощай!“ Но Вишнѣзъ знаменипый
Услыша грубыя слова,
Воскликнулъ съ важноспью сердитый:
 — „Молчи, пуская голова!
Слыхалъ я испину бывало:
 Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало.
 Я ъду, ъду не свищу,
 А какъ наѣду, не спущу.“—

(Оконтаніе вѣ слѣд. кн.)

2.

Къ пѣвицѣ Боргондо.
 Послѣ концерта даннаго ею въ залѣ Благороднаго
 Собрания.

Божественный пѣланій! сколь власить швоя чудесна
 Надъ чувствами души!... Волшебница! поспой!...
 Спрашивай, чтобъ Ангелы, услышавъ голосъ твой...
 Но ревноспь Ангеламъ, по счастью, неизвѣсна.
Князь Шаликовъ.
